

Б. А. САДОВСКОЙ (САДОВСКИЙ)

«Весы». Воспоминания сотрудника

<...> Лет триста назад при дворах европейских государей водились искусственные карлики.

Ребенка заделывали в фарфоровый бочонок с отверстием внизу — и так держали несколько лет; потом бочонок разбивался, из фарфоровых обломков с трудом вылезал неестественно толстый, низенький уродец на тонких ножках.

Если такому карлику придать голову Зевса с кудрями и пышной бородой, получится Макс Волошин.

<...>

Пламенное служение «новому искусству» и желание быть оригинальным роднит Волошина с Койранским¹; однако Койранский по удельному весу таланта значительнее Волошина.

Когда мне приходилось беседовать с Волошиным, невольно вспоминался Иванушка из «Бригадира» Фонвизина: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух принадлежит короне французской».

Что стал бы делать Волошин вне Парижа?

Он искренне стремился сблизить русское искусство с западным, тогда как на деле был только посредником между московскими и парижскими декадентами², их «коммивояжером».

«Трудолюбивый трутень» — хотелось сказать, глядя на его сизифовы усилия.

Природная недалекость побуждала иногда наивного Макса выкидывать невероятнейшие коленца.

То вдруг он ни с того ни с сего печатно ляпнет, что Брюсов родился в публичном доме³, — символический оборот, но можно понять буквально — и бедный Валерий Яковлевич спешит заявить фельетонисту Измайлову, что ничего подобного не было.

То разразится восторженным фельетоном о том, как голая парижская натурщица в толпе художников, где был и Волошин, прошла

демонстративно по Латинскому кварталу и посрамила навеки всемирное мещанство⁴.

Когда шальным ножом психопата исполосована была картина Репина «Смерть царевича Ивана», все искренне огорчились; один Волошин пришел в восторг⁵. В специальной брошюре доказывал он, что Репин сам виноват: не надо было изображать на картине так много крови; художник получил заслуженное возмездие: кровь за кровь⁶.

В «Весы» Волошин все шесть лет давал стихи свои и переводные, статьи, заметки, рисунки, и все у него выходило прилично, старательно и бездарно.

Волошину, к счастью для него, не дано сознавать своего комизма: он искренно доволен собой и даже счастлив. Оттого дружить с ним легко: человек он покладистый и добрый.

